

BBC

DOCTOR WHO

**RICHELLE
MEAD**

SOMETHING BORROWED

КОЕ-ЧТО ЗАИМСТВОВАННОЕ

Ришелл Мид

Перевод Ольги Алексеевой

*Шестой рассказ из серии издательства
Puffin Books, посвящённой 50-летию
сериала «Доктор Кто».*

Это было типично. Доктор пообещал мне шампанское и торт, а вместо этого я получила летающих ящериц.

— *Птеродактилус антикуус*, если точнее, — сказал он мне, пригибаясь, когда одно из этих созданий пролетело низко над его головой. Это было так близко, что порыв ветра взъерошил пружинистые кудри на его голове. — Или лучше было бы *Птеродактилус крошечнус*, поскольку я не помню, чтобы они были настолько карманного размера, когда я в последний раз ездил в поздний юрский период.

Я бы описала их иначе, но, может, все зависело от размеров твоих карманов. Эти звери были размером почти с голубей, и единственный плюс был в том, что они, кажется, оставляли *нас* в покое. Хотя я не могла сказать того же о перепуганных прохожих вокруг нас. Мы прибыли на Котурию только несколько минут назад, оставив ТАРДИС в небольшой алее, спрятанной между двумя неприятно окрашенными зданиями на оживленной улице. Едва выйдя из двери, мы слышали крики, и нас встретило зрелище, которое приходило последним на ум, когда я думала о свадьбах. Мальчишники? Может быть. Свадьбы? Точно нет.

— Может быть, это детеныши, — сказала я, прижавшись к ярко-розовому зданию, украшенному серебристыми решетками. Я старалась уйти с дороги птеродактилей и паникующих людей, небрежно толкающих остальных в попытке спастись. Эти существа целились именно на котурианцев, атакуя их острыми когтями и клювами, которые с каждым следующим ударом ранили до крови и обдирали кожу. Через улицу от нас я видела, как несколько птеродактилей набросились на женщину и

пытались унести ее. В последний момент ее спас истеричный мужчина, который случайно врезался в нее, помешав атаке.

— Не думаю.

Доктор был раздражающе спокоен, не замечая безумия вокруг себя и косясь на крылатую опасность.

— Это какая-то специально преобразованная порода, ничего естественного. Это можно определить по золотому блеску на их летательных перепонках. Такого не было ни у одного земного птеродактиля. Ты разве не видишь?

Все, что я могла видеть — что этим когтям было очень легко обернуться к нам в любую секунду.

На лбу Доктора появились мелкие морщины.

— Я не в первый раз вижу подобное, — пробормотал он.

Как обычно, он не стал разъяснять, да и я не была не в том настроении, чтобы играть в нашу привычную игру «Двадцати вопросов». Страх вокруг был настолько всепоглощающим, что был почти осязаем, и единственное, в чем я была уверена — что мы должны что-то сделать, чтобы остановить его.

— Как мы остановим их? — спросила я.

На секунду я подумала, что Доктор меня не услышал, но он, наконец, отвел взгляд от существ и быстро и наблюдательно оценил окружающую обстановку. Он перевел взгляд на крышу розово-серебристого здания, и он решительно кивнул.

— Вот оно. Тебе нужно подняться к этой табличке.

Я посмотрела вверх. Там, на самом краю крыши, была светящаяся вывеска, яркая даже в свете дня. Водоворот синего и зеленого, немного похожий на лавовую лампу,

пульсировал под радужной поверхностью вывески, когда на ней прокручивался темно-фиолетовый текст.

— Она на высоте в два этажа! — воскликнула я. — А я на каблуках.

— Значит, тебе следовало надеть более подходящие туфли, так ведь? Правда, Пери, не вини меня в своих оплошностях. Опоры для ног слишком малы для меня, чтобы мне самому это сделать. Давай, поторапливайся!

Некоторые промежутки в похожей на кружево решетке казались слишком маленькими и для меня, но я знала, что он был прав насчет того, кто из нас был лучшим вариантом. Крик ребенка заставил меня перейти к действию, и я без дальнейшего колебания сбросила туфли. Я схватилась за металлический завиток, радуясь, что он был крепко прилажен, и начала карабкаться, хотя и морщилась, когда острые края врезались в мои босые ноги. Поднявшись выше, я стала ближе к летающим высоко птеродактилям, но я поняла, что сейчас не было времени задерживаться.

— Скорее! — крикнул Доктор.

— Я лезу так быстро, как только могу!

Я заторопилась. Моя нога оступилась и соскользнула. Я схватилась за решетку так крепко, как только могла, глубоко дыша и успокаиваясь, чтобы найти опору для ноги и продолжить карабкаться. Наконец я с мучением добралась до крыши и взобралась на ее край, радуясь, что нашла плоскую, твердую поверхность, на которой можно было встать на колени.

— Что теперь? — крикнула я.

Я едва могла расслышать ответ Доктора в шуме паники.

— Возьмись за угол экрана и сорви его!

С первого взгляда я не думала, что это возможно. Потом я увидела, что к каждому углу была прикреплена маленькая стальная петелька. Я схватилась за одну из них и, отдернув руку, взвизгнула. Металл был такой горячий, что обжег меня. Я слышала, как внизу Доктор кричал, подбадривая меня, хотя его слова были слегка окрашены настойчивостью и нетерпеливостью.

На меня снизошло вдохновение, и я схватилась за свою юбку. Она была из двух слоев — верхнего из легкого шифона и нижнего шелкового, и я оторвала большой кусок верхнего слоя. Я разорвала его пополам. Тонкая ткань была не лучшей защитой, но, обернутая вокруг моих рук, она немного помогла против жары, когда я снова постаралась оторвать экран. Но ничего не произошло. Отказываясь признавать неудачу, я дернула его еще раз и почувствовала легчайший сдвиг. Еще один толчок, от которого у меня побелели ногти, и экран начал медленно отдираться. Когда он оторвался, внутри я увидела сверкающие провода и микросхемы, искрящиеся, словно крошечное шоу на День независимости, и снизу стала выливаться пастообразная масса. Я взглянула на Доктора, ожидая дальнейших указаний, когда случилось самое удивительное.

В считанные секунды мини-птеродактили внезапно оставили свою добычу и сбились в организованную стаю. Они выразили свое недовольство какофонией резких криков, паря все как один, и скрылись из вида. На секунду над улицей нависла жуткая тишина, а потом котурианцы начали приходить в себя, осторожно оглядываясь, помогая друг другу и заботясь о раненых. Посчитав, что моя работа сделана, я спустилась вниз по решетке и соскочила на землю. Доктор широко улыбался.

— Молодец! Это было не так уж и сложно, да?

Я взглянула на воспаленные отметины у меня на руках.

— Зависит от того, что ты считаешь сложным. Что случилось?

Он показал на снятую вывеску.

— В этом свете используется технология светящихся ламп Дженджи. Немного безвкусно, если спросишь меня, но очень модно в местах вроде этого.

— Ну, что касается безвкусного, *ты* эксперт, — ответила я, многозначительно посмотрев на его красно-желтое клетчатое пальто и зеленый галстук.

Он не обратил внимания на насмешку.

— Когда эти лампы внутри повреждены, они излучают электромагнитную радиацию, которую ты не ощущаешь, но которая очень раздражительна для таких вот созданий.

Я вспомнила, что он сказал до этого.

— Значит, ты их видел и раньше.

— Не их конкретно, — поправил он, — но что-то похожее. Будем надеяться, что это совпадение.

Теперь, когда я не чувствовала, что моя жизнь в надвигающейся опасности, у меня наконец появилась возможность оглядеться и осмотреть мир, в который мы прибыли. Доктор уже кратко рассказал мне о котурианцах, и я обнаружила, что они именно такие, как он говорил. Внешне они походили на людей — и на Повелителей Времени, коли на то пошло — за исключением того, что их естественный цвет волос широко варьировался. Я видела обычных брюнетов, как я, и блондинов, как Доктора, но большинство щеголяли цветами, которые я ожидала бы найти у панк-рок групп у себя дома — темно-фиолетовый, лимонно-зеленый, ярко-оранжевый и так далее. Более

близкое рассмотрение показало, что они были здесь не единственным видом. По меньшей мере половина существ на улице определенно были пришельцами из других миров, хотя на них, как на Доктора и на меня, не напали.

И потом я заметила сам город. Моя челюсть упала.

— Это похоже на... — я едва могла вымолвить слово, мои глаза, должно быть, обманывали меня, — Лас-Вегас.

— Ну, я так не думаю, — сказал Доктор, когда мы направились вдоль по улице. — Учитывая, что котурианцы пытались создать свою цивилизацию по его образцу.

В Лас-Вегас я ездила из Пасадены, где я училась в колледже. Я была там только раз, но тут, без сомнения, было сходство. Некоторые здания вызывали лишь мимолетные мысли о сходстве в моих воспоминаниях. Конечно, некоторые детали отличались, но если бы туристов из Лас-Вегас-Стрип внезапно транспортировали сюда и обратно на Землю, сомневаюсь, что они бы заметили. Над нами нависали те же сногшибательные фасады, покрытые огнями, которые, без всякого сомнения, осветили бы вечернюю темноту. Когда мы шли мимо, я мельком через стеклянные двери увидела игровые столы и автоматы. Предприимчивые продавцы воспользовались передышкой после нападения и уже вернулись на улицы, размахивая афишами с представлениями на сегодняшний вечер.

— Это в точности как отель «Сахара», — сказала я, остановившись возле впечатляющего отеля и казино. — Я помню, я там была.

Доктор кивнул.

— И котурианцы тоже. Мы примерно за две тысячи лет в будущем от твоего времени. Первые котурианские исследователи посетили Землю в конце двадцатого века и

были очарованы блеском и пафосом Лас-Вегаса — и его потенциалом прибыли. Видишь ли, они предприниматели. Они быстро поняли, что привлекательность города была посвящена только удовольствиям и азартным играм — не только для людей, но и для многих других рас — и они взяли эту концепцию и развили ее до гораздо, гораздо большего масштаба.

Я покачала головой, все еще несколько изумленная.

— Как странно.

— Разве? — он бросил на меня косой взгляд. — Кажется, это весьма американская концепция. Использовать надежды и мечты для выгоды. Мне казалось, для тебя это будет нормальным.

Я закатила глаза.

— Это очень грубое суждение о моих земляках.

— Ну, думай, что хочешь, но котурианцы заработали много денег на своем бизнес-плане. Это одна из богатейших планет в Солнечной системе. Люди стекаются отовсюду, чтобы разбогатеть и освятить свою любовь.

— Освятить свою... Ты хочешь сказать, чтобы пожениться? Но свадьбы в Лас-Вегасе безвкусные.

Доктор улыбнулся.

— Напротив, это то, чем котурианская версия отличается от оригинального Лас-Вегаса. Это место считается вершиной романтики. Каждый, у кого есть пара, старается сыграть свадьбу на Котурии, и ты скоро увидишь, что и у самих котурианцев к браку особый интерес.

Доктор привел меня к зданию возле окраины центра города, и сначала я подумала, что это еще одна гостиница, судя по размеру и дизайну. Но когда я заметила, что здесь обычной суеты туристов здесь не было, я неожиданно поняла, что это частный дом. Просторное здание занимало собой несколько городских кварталов, а высотой было в пять этажей; стекла арочных окон, расположенных вдоль фасада, подвергли какому-то особому уходу, чтобы они искрились всеми цветами радуги. У здания даже были подпорные арки, хотя их серебристо-синяя поверхность сильно отличалась от любой средневековой церкви.

— Сколько же людей здесь живут? — воскликнула я. — Здесь должно быть больше, чем только твой друг со своей семьей.

Доктор пожал плечами.

— Насколько я знаю, нет. Ну, разве только что прислуга.

Один из этой прислуги, одетый в солнечно-желтую униформу, пригласил нас войти в обрамленный аркой холл. Мы назвали свои имена, и спустя секунды пожилой человек с редющими волосами цвета лаванды суетливо вбежал за нами. Он светился от радости.

— Доктор! Это правда ты? Ты изменился... Но не то чтобы мы здесь к такому не привыкли.

Он, должно быть, видел Доктора до его последней регенерации.

Доктор энергично пожал человеку руку.

— Да, да. У меня немного другие очертания лица со времени нашей последней встречи на Кири-4, но все очарование и ум сохранились.

— И скромность, — добавила я.

Человек повернулся ко мне, и Доктор, казалось, вспомнил, что я тоже здесь.

— Ах да. Эврис, позволь тебе представить мисс Пери Браун с Земли. Пери, это лорд Эврис Макши. Мы однажды оказались вовлечены в небольшое происшествие с очень неприятными роботами.

Эврис хихикнул.

— Происшествие? Это ты так называешь спасение моей жизни? В каком бы свете ты ни хочешь это представить, для меня честь, что ты пришел на свадьбу моего сына. И вы тоже, мисс Браун.

Глаза Доктора проницательно блеснули.

— А что насчет прелестно ужасающих птеродактилей, которых мы встретили на пути сюда? Они тоже в списке гостей?

С лица Эвриса исчез веселый вид.

— А. Они. Я слышал, что сегодня была еще одна атака.

— Еще одна? — спросил Доктор. Мне он напомнил охотничью собаку, нюхающую воздух.

Эврис кивнул.

— Эти чудовища мучают нас уже несколько месяцев. Все началось с мелкой неприятности. Они ненадолго появились над Повязкой, и..

— Повязкой? — перебила я.

— Это главный туристический район города, — объяснил он. — Мы ее так называем, потому что это сплетение торговли и восторга.

— Но не лента, — я старалась сохранить прямолинейное лицо.

— Нет. Гораздо более широкая, — Эврис прокашлялся. — В любом случае, они удовлетворяются умеренными атаками: немного ударов, немного крови там и сям. А потом, в последние две недели, атаки внезапно усилились. Мы видим их практически каждый день, и их нападения теперь более жестоки. Они даже начали уносить своих жертв — и их больше никогда не видели.

— Ужасно, — сказала я, вспоминая, как чуть было не стала этому свидетельницей.

Доктор согласно кивнул.

— Едва ли подходящее время для свадьбы.

— Я согласен, — Эврис еще больше нахмурился. — Туризм пошел на спад, а половина наших жителей вообще не выходит на улицу. Если бы Джонос не был так близок к концу Фазирования, мы бы все отложили. Но никто из нас не знает, сколько ему осталось, так что сегодня вечером мы продолжим. А после... Будем надеяться сделать что-то с этой небольшой проблемой.

На самом деле я не думала, что летающих рептилий, которые атаковали и похищали людей, можно было назвать «небольшой» проблемой, но мне было слишком интересно то слово, которое он произнес раньше.

— Фазирование? — спросила я. — Что это такое?

Доктор, как обычно, засиял от восхищения чем-то любопытным и очаровательным.

— Это то, что я имел в виду, когда говорил, что у котурианцев особенный интерес к свадьбам. Во время брачной церемонии они преобразовываются и приобретают новую внешность. Несколько факторов, внутренних и

внешних, сильно ускоряют их метаболизм — за неимением более искусного объяснения.

Эврис кивал.

— Для нас это священо. Любимый человек — первый, кто видит новое лицо, когда муж и жена начинают жить вместе. Также это важный обряд перехода в целом, замечательный жизненный опыт, через который должны пройти все котурианцы, — его недолгий энтузиазм сменился тревогой. — В любом случае, мы способны сделать это только один раз, в течение короткого времени расцвета нашей жизни. Потом этот шанс будет упущен навсегда.

Мне было сложно понять такую концепцию — хотя, конечно, и не так сложно, как до начала моих путешествий с Доктором.

— И ваш сын почти прошел через это?

— Да. На самом деле, мы сдались. Он хороший парень, но причуд у него было достаточно. Такие люди бывают очень испытывающими, знаете ли.

— Да, — сказала я. — Конечно, я знаю.

Доктор бросил на меня взгляд.

— Ты сегодня в ударе, да?

Эврис, не обращая внимания на наш разговор, покачал головой со смесью изумления и раздражения, продолжив говорить о своем сыне.

— Думаю, мы не должны были быть удивлены, когда он выбрал невесту с другой планеты. Хотя он бы поступил как раз наоборот.

Доктор слушал с выражением снисходительности, но на этих словах все в нем внезапно насторожилось.

— Инопланетянку?

— Гуманоида, — быстро сказал Эврис. — Никаких щупалец или пахнущих куч слизи. Мы, конечно, были достаточно безрассудны, чтобы очень хорошо это принять, — он фыркнул от своей собственной шутки. — И она на самом деле очаровательная женщина. Культурная и умная. Джонос просто сражен ею.

— Я в этом уверен, — сказал Доктор, скорее себе, чем нам.

Я нахмурилась.

— Но если она инопланетянка... Может ли он трансформироваться? Пройти Фазирование?

— Конечно, — сказал Эврис. — Я имею в виду, она-то, конечно, не может. В ее физиологии этого нет. Но в нашем случае химические вещества и передатчики нервных импульсов, заключенные в любви и привязанности к другому человеку, служат катализатором. С Джоносом будет то же самое, в независимости от того, кто объект любви.

Я знала, что у Доктора на уме был какой-то вопрос, хотя пока он держал его при себе.

— Между предстоящей свадьбой и незваными летучими гостями у вас, конечно, было много дел. Мне бы хотелось побольше узнать об этом. И хотелось бы услышать побольше о твоей будущей снохе. Думаю, я не смогу ее увидеть?

Эврис выглядел удивленным.

— Боюсь, только не до сегодняшних празднеств. Она очень занята приготовлениями. К тому же, она в женской секции дома и нам недоступна. Но у меня сейчас есть немного времени, вы не хотели бы пойти на ранний ужин?

— Звучит прекрасно, — сказала я.

— Нет, только не в твоём состоянии, Пери, — укоряющий взгляд Доктора был для меня абсолютно неожиданным.

— Не в моём состоянии? — переспросила я.

Он показал на мою юбку.

— Смотри, что ты наделала в своей небрежности. Ты не можешь пойти на цивилизованное мероприятие в таком виде. Эврис, не могли бы случайно твои люди помочь ей выглядеть приемлемо?

— Небрежность! Приемлемо! — только и смогла я пролопотать.

— Легко, — сказал Эврис. Он подошел к столу возле стены и нажал на его консоли несколько кнопок.

Спустя секунды в комнату поспешно вбежала молодая женщина в желтой униформе прислуги. Вуаль ей в тон закрывало большую часть ее головы, но я видела, что ее бледные белокурые волосы с прожилками синего, были убраны в аккуратный пучок. Она низко поклонилась Эврису и отвела взгляд.

— Да, мой господин?

— Пожалуйста, отведите мисс Браун и помогите ей во всем, что ей нужно подготовить для свадьбы. Доктор и я будем в зеленом обеденном зале.

— А сколько здесь всего обеденных залов? — спросила я.

Доктор отмахнулся.

— Ты в хороших руках. Получай наслаждение, и кто знает? Может, ты мельком увидишь счастливую невесту.

На его лице все еще было солнечное легкомысленное выражение, которое могло подкупить других, но я видела

понимающий блеск в его глазах. Я прекрасно поняла, что он от меня хочет, даже если я и не знала его мотивов.

— Возможно, — согласилась я.

Он и Эврис без лишних слов удалились, и я обернулась к терпеливо ждавшей прислужнице.

— Пойдемте, мисс? — сказала она.

3

Прислужница повела меня по дому, и я мгновенно потерялась. Множество коридоров были похожи на лабиринт, и я не могла запомнить, как они соединялись друг с другом. Все было таким же огромным, как и вестибюль, с высокими потолками и окнами, искусно украшенными в той яркой палитре, которую любили котурианцы.

— А вы замужем? — спросила я, по-прежнему очарованная процессом, о котором слышала. — Вы прошли через, мм, Фазирование? О, и я не расслышала ваше имя.

— Вира, мисс. И нет, я не удостоилась этой чести, — она вздохнула. — Иногда я не знаю, удостоюсь ли я ее когда-нибудь.

— Но у вас еще должно быть время, да? — Вира казалась мне молодой, но я не знала, сколько молодость длилась у котурианцев. — Или ты как Джонос?

— Нет, время у меня есть, — она оживилась, но в то же самое время выглядела тоскливо. — Я так рада, что он сможет это сделать. Интересно, как он потом будет выглядеть.

— Новая внешность может быть какой угодно? — спросила я, думая о регенерациях Повелителей Времени, — Или существует какой-то образец?

— У тебя есть некоторый контроль над этим, — объяснила она. — Твоя сила воли и любовь. И камень Имори.

— Что?

— В нашем мире это священные камни. Во время церемонии невеста и жених кладут свои руки на этот камень, и его божественная сила усиливает их любовь, чтобы завершить преобразование.

Я подумала над этим, задаваясь вопросом, насколько «божественная сила» действительно играла роль. Если я знаю Доктора, у него будет более научное объяснение.

Выражение лица Виры стало мечтательным, когда она указала мне на лестницу.

— Хотя мне сложно представить, как Джонос изменится. Он и так очень красивый. Как он может стать еще лучше?

Я не могла не улыбнуться.

— Звучит так, как будто ты не против быть его невестой.

Даже под вуалью я видела, как она покраснела.

— Нет. Я не могла бы. Не кто-то вроде меня. Он бы обо мне ни на минуту не задумался.

— О ком-то добром и симпатичном? Кажется, о тебе можно было бы подумать и час, и день, — она покраснела еще больше.

Наконец мы дошли до двойных дверей, которые вели в громадный номер с окнами от пола до потолка, выходящими

на город. Гигантский мраморный бассейн накренился на одну сторону.

— Это неважно, — сказала Вира. Она коснулась маленькой панели на краю бассейна, и оросители на его дне начали выливать туда воду. — Я ему никогда не была интересна. Он такой умный и чудесный. Вот почему у него ушло так много времени, чтобы найти кого-нибудь подходящего. Лания — настоящая леди. Она может быть с другой планеты, но она точно хорошо воспитана и утонченная.

— Лания его невеста?

— Да, — Вира дотронулась до другой части панели, и в бассейне включились умно размещенные огни всех цветов, осветив его изображением радуги. Не признавали эти котурианцы ничего простого. — Она прекрасная женщина. Такая умная. Такая образованная. Неудивительно, что Джонос влюбился в такую, как она.

Я поняла, что не произнесенной вслух мыслью Виры было то, что он не мог влюбиться в такую, как *она*.

Она казалась такой покинутой из-за своей неразделенной любви, что я больше ничего не спросила у нее о свадьбе. Я чувствовала себя немного глупо, наряжаясь в честь события, где я даже не знала пару, но Вира точно делала свою работу постоянно и была в ней проворна и расторопна. Это, казалось, отвлекало ее от своего горя, и она уже с большим увлечением описывала мне другие аспекты котурианской жизни. Я вскоре тоже была поглощена ею, все еще поражаясь цивилизации, которая создала себя по образцу одного из самых известных городов на Земле.

Ей понадобилось всего около часа, чтобы превратить меня в подходящую гостью свадьбы, и я с изумлением

установилась на себя в зеркало, едва веря в то, чего она добилась за такое короткое время. Мои волосы были заплетены в косы, а макияж, хотя и чрезмерный по земным стандартам, был в соответствии с тем, что я видела среди кутурианских женщин на улицах. Он был искусством в той же степени, что и украшением — с фантастическими цветами и завитками у меня на щеках и в уголках глаз, все в оттенках зеленого, что подходило к длинному платью, которое было на мне. Было даже жаль, когда Вира предложила мне вуаль вроде той, которую носила она.

— Она обязательна? — спросила я.

Вира пожала плечами.

— Она подходит к платью, но необязательна. Будет много пришельцев и без них.

Ее слова напомнили мне о главной причине этого курортного дня, и мне стало интересно, как же мне нужно было действовать, чтобы по невысказанному предложению Доктора найти невесту.

— А что насчет Лании? Она тоже пользуется твоими услугами?

— Да. Она охотно к ним прибегает... хотя она часто поступает и по-своему. У нее есть свои слуги, и она держит свое крыло закрытым для публики.

Я обдумала слова Виры, когда она вела меня обратно по лабиринту коридоров. Когда мы спустились на первый этаж, я заметила лестницу, ведущую вниз. Я остановилась.

— Есть еще этажи и под землей?

— Два этажа, — подтвердила Вира. — Это этажи, где живет Лания.

— Да? — я сделала пару шагов к входу. — А можно мне осмотреться?

— Нет! Я уже говорила, уединенность для нее очень важна. Никто из нас не смеет... — девушка ахнула, когда за угол вдруг зашла группа людей, направляясь к лестнице, ведущей вниз. — Это она! Идем, — Вира схватила меня за руку и потянула меня к стене вестибюля. Она склонила голову, в почтении опустив глаза.

У меня не было такого обязательства, и к тому же мое любопытство взяло надо мной верх. Я умирала от желания увидеть женщину, которая так покорила котурианского аристократа, что он хотел потратить свое единственное преобразование на нее. Сначала из-за ее свиты я не могла ничего разглядеть. С обеих сторон от нее расположились четверо, было сложно сказать, мужчины это или женщины. Так или иначе, они определенно были *не* котурианцами. Их черты лица отчетливо напоминали черты рептилий — с выдающимися челюстями, плоскими носами и золотисто-черной чешуей на коже. Признаю, это было не совсем то, о чем я подумала, когда Эврис сказал, что невеста его сына была гуманоидом. Наверное, любовь и правда слепа.

Но потом, мельком взглянув на нее, мне стало ясно, что она не была рептилией, как ее спутники. Она могла быть такой же, как и я, и мне хотелось получше разглядеть ее лицо. На ней была эта модная котурианская вуаль, но из-за нее я лишь мельком увидела синеватые глаза, которые властно и презрительно окинули нас взглядом. Ее платье было похоже на мое, длинное и широкое, хотя окрашенное синим и серебряным. Она почти уже прошла мимо, как вдруг внезапно остановилась и взглянула еще раз. Ее глаза расширились.

— Ты! — прошипела она.

Поначалу я была слишком потрясена, чтобы отреагировать. В этой женщине было что-то знакомое, но я не могла определить, что.

— Если ты здесь... значит, и *он* тоже.

Зеленые глаза уставились на меня через щелку в вуали, которая почти полностью скрывала ее лицо.

— Взять ее! Быстро, — ее взгляд упал на Виру, которая съежилась и старалась сделаться как можно меньше. — И другую, я думаю, тоже.

У меня, наконец, хватило ума позвать на помощь, но к этому времени покрытая чешуей рука закрыла мне рот, и меня с силой потащили вниз по лестнице. Я молотила по тому, кто захватил меня в плен, пинаясь так сильно, как могла. Это дало мне только миг свободы, прежде чем пришел другой приспешник Лании и помог ему. Я до сих пор не была уверена насчет их пола, но мой мозг начал характеризовать их как мужчин.

Они протащили Виру и меня на два этажа вниз, через еще один извивающийся лабиринт и, наконец, к комнате, закрытой тяжелыми двойными дверями. Нас втолкнули внутрь, и Лания зашла следом за нами, бегло осмотревшись кругом. Она указала на гладкий металлический диск на полу.

— Сюда.

Люди-ящерицы бесцеремонно бросили нас на диск. Почти тотчас же вокруг нас появился мерцающий конус золотого света. Я осторожно протянула руку, чтобы дотронуться до него, обнаружив, как казалось, твердую поверхность — она внезапно уплотнилась сразу на

несколько дюймов. Я присела рядом с Вирой, которая дрожала и, в свою очередь, цеплялась ко мне.

Я ожидала, что комнаты Лании продемонстрируют ту же роскошь и комфорт, которые я видела наверху. Вместо этого я увидела передвижную лабораторию, наполненную столами и компьютерами. Лания согнулась над одним из компьютеров и мельком посмотрела на нас перед тем, как вернуться к тому, что привлекало ее интерес.

— Это сизианское силовое поле, — без эмоций сказала она. — Каждый раз, как вы его касаетесь, оно будет приближаться, и так пока вас не задушит, — она для пущего эффекта сделала паузу. — Так что я бы его на вашем месте не трогала.

Я все еще не могла полностью ее рассмотреть, особенно когда она наклонялась. Чувство, что мы были знакомы, продолжало меня изводить, и ее голос только усилил его. Кто она? Так или иначе, я знала ее, и она определенно знала меня — и Доктора.

— А, вот журнал учета гостей. Он прибыл два часа назад. Кто знает, какой урон он мог за это время нанести, — внезапно она выпрямилась и внимательно посмотрела на меня. — Где он сейчас?

— Кто? — спросила я.

— Сама знаешь, кто! — она повернулась к одному из своих подручных. — Нет времени вести этих двоих ко мне в ТАРДИС. Силовое поле их сдержит, но вам нужно остаться здесь, пока остальные его ищут. Крайне важно найти его до свадьбы. Он может все испортить. Однако, я не могу представить, как он узнал обо всем. Хотя меня уже в нем ничего больше не удивляет.

— Он просто гость, — выпалила я.

Этот холодный взгляд вновь окинул меня.

— Он регенерировал? Или все в той же странной форме?

ТАРДИС. Регенерация. И в одно мгновение я вспомнила.

— Рани, — воскликнула я.

Когда ее суровые глаза сузились при ее имени, показалось невозможным, что я сразу ее не узнала. Судя по нахмуренному взгляду, она тоже думала, что должна была быть для меня очевидна. Вдруг она поняла.

— Да. Это, — она сняла вуаль со своей головы и потрясла светло-коричневыми волосами. Ее лицо было точь-в-точь, как прежде, с красивыми, но суровыми и холодными чертами. — Глупый обычай. Я была бы рада избавиться от нее, — скупая улыбка не была видна в ее взгляде. — Тебе должно быть жаль, что ты ему не последовала. Я могла бы тебя не узнать, если бы на тебе была вуаль. — Она жестом показала четверем своим приспешникам на дверь. — Идите и найдите его. Он, наверное, с Эврисом, так что уведите его осторожно. Мы не можем устроить сцену, пока эта бессмысленная суэта не закончится.

— Что ты здесь делаешь? — требовательно спросила я. — Ты... ты любишь Джоноса? — это казалось невозможным, особенно учитывая ее бессердечность и хладнокровные научные опыты, но зачем же она еще была помолвлена на котурианце?

— Любовь? То вызванное химией напускное состояние идиотизма? — Рани округлила глаза. — Честно, ты такая же глупая, как и в последний раз, когда мы встречались. Я никогда не понимала, почему Доктор путешествует с твоим

родом. Меня бы это с ума свело... впрочем, он и не образец здорового ума.

— Он тебя остановит, — сказала я — и ради вызова, и ради долга. — Что бы ты ни делала, он не даст тебе остаться безнаказанной.

— К тому времени, когда он поймет, что случилось, будет слишком поздно, — она поманила к себе еще двоих людей-ящериц. — Идем. Эти дураки будут ждать меня на подготовительный ритуал женщин, или какой там у них вздор в голове.

Она ввела что-то еще в свой компьютер и снова завернула свою голову в вуаль. Двое выбранных ею сопровождающих немедленно заняли свои места.

— Вернусь так быстро, как только смогу, — резко сказала она тем, кто остался. Теперь их было только двое, но я заметила, что у них появилось какое-то оружие с того времени, как они вошли в комнату.

Рани быстро вышла из двойных дверей, которые со стуком закрылись, оставив нас наедине с охранниками.

5

Я немедленно начала думать над тем, как сбежать. Я осмотрелась; конечно же, должен быть способ отключить силовое поле. Оно поднималось от пола, и я заинтересовалась, не заключается ли в этом решение. К несчастью, когда я попыталась дотронуться до пола, я случайно наткнулась на стену света — еще больше ее приблизив. Вира захныкала.

— Я не понимаю, что мы сделали, чтобы ей не понравиться, — слабым голосом сказала она. — Зачем Лании это делать?

— Потому что она тебя обманывала, — объяснила я. — Ее зовут не Лания. Она Рани. Повелитель Времени, как и Доктор. Ну, Повелительница Времени.

Она определенно была не той, кого я ожидала снова увидеть. Наша последняя встреча была на Земле во время моего путешествия в индустриальную революцию, где она пыталась извлечь химическое вещество, вызывающее сон, у невинных людей, пойманных в хаосе того времени. Это я помнила очень хорошо, потому что она пыталась сделать это и со мной.

— Она ученый, — здесь было замалчивание, но я точно не знала, как четко сформулировать для Виры всю степень одержимости Рани. Для нее наука превосходила все остальное в жизни. Иногда у нее были особые эгоистичные цели. А иногда она была погружена в сами эксперименты: наука ради науки. Из-за ее экспериментов ее и изгнали с Галлифрея, и это упертое сосредоточение на исследованиях заменило какую-либо мораль, которая могла у нее быть, и, конечно, любое уважение к формам жизни, которые она считала ниже себя.

— Мы должны предупредить Доктора, — сказала я Вире. Девушка была слишком испугана, я даже не знала, услышала ли она меня. — Он единственный, кто может...

Лязг металла был единственным предупреждением, которое я получила, прежде чем люк в потолке внезапно открылся и Доктор упал на пол неизящной грудой радужной клетчатой ткани. Тем не менее, он встал на ноги со всем

достоинством олимпийского гимнаста, который только что сделал идеальное сальто.

— Пожалуйста, продолжай, — бодро сказал он мне. — Единственный, кто может... что? Внушить массам благоговение своим остроумием и обаянием? Поставить в тупик уважаемые умы твоего, или любого другого, времени?

— Единственный, кого сейчас пристрелят! — вскрикнула я. — Осторожно!

Двое человек-рептилий, которых Рани оставила на страже, направились вперед, размахивая своим оружием. Доктор нагнулся, и один из них выстрелил, излучив импульс света, который попал в силовое поле, окружающее Виру и меня. Луч отскочил от нашей тюремной стены, ударив в человека-ящерицу, который выстрелил. Он опрокинулся назад, упав с глухим стуком на пол. Вира в страхе подпрыгнула, задев стену света, спровоцировав еще одно сужение нашего пространства. Я схватила ее руку и прижала ближе к себе, едва смея дышать — так близко сейчас были стены.

Оставшееся существо приближалось к Доктору, который неистово искал вокруг помощи. Затем он высмотрел металлическую панель потолка, которая упала вместе с ним. Он поднял ее, размахнувшись с удивительной силой и промахнувшись, но эффективно уклонившись от атаки. Со второй попытки он ударил человека-рептилию в голову, и он рухнул на пол. Доктор вцепился в свое самодельное оружие и остановился, ожидая движения от своих павших врагов. Когда ничего не произошло, он наклонился и рассмотрел того, кого он ударил.

— Он будет без сознания некоторое время, — Доктор оглянулся на того, в которого рикошетом ударил выстрел

оружия. Лицо Доктора вытянулось, и, к моему удивлению, он дотронулся до щеки существа.

— Пушка была настроена на самый высокий уровень. Жаль. Я всегда чувствую себя таким виноватым из-за убийства созданных Рани лакеев. Они уже в печальном состоянии. У них никогда не бывает и шанса на победу.

— Кажется, у них шанс на победу был, когда они похитили нас, — возразила я. — И когда этот чуть тебя не подстрелил. Тебе повезло.

Доктор поднял оружие и аккуратно положил его на рабочий стол. Потом потер руки, как будто они были грязными. На один миг я увидела искреннее сожаление в его глазах, и он вновь вернулся к своему обычному настроению.

— Навык, моя дорогая. Не удача.

— Почему же тебе не использовать свои навыки, чтобы вытащить нас... — я проглотила свои слова, когда повторила в уме фразу о созданных лакеях. — Рани здесь, знаешь ли.

— Да, боюсь, что так. Я подозревал это, когда послал тебя на разведку — справилась ты, как я вижу, со своей обычной тщательностью. Истории Эврису только подтвердили это, и я отправился искать незаметный способ зайти и взглянуть так быстро, как только мог. Воздушные туннели не мой любимый способ передвижения, но они действуют, — он прогулялся по комнате, щелкая языком. — Ну и ну, она времени не теряла.

— А ты не мог бы...

— Сделать это? — Доктор нажал на кнопку, и силовое поле исчезло. Я с облегчением присела, чувствуя так, словно поднялась из-под воды.

— Да, спасибо, — я быстро проверила Виру, но она была больше напугана, без следа внешних повреждений. Обхватив себя руками, она села возле ближайшей стены и с недоверием огляделась. Я похлопала ее по плечу, прежде чем обратить все свое внимание на Доктора. — Откуда ты знал о Рани?

— Из ее маленьких крылатых визитных карточек. Я раньше видел некоторые из ее творений, которые она разводит — вроде тех, что мы видели на улице, и тех, которыми она манипулирует, как теми простаками на полу. Этот золотой блеск — побочный эффект процесса, — он остановился, чтобы нажать несколько кнопок и прочитать то, что появилось на дисплее. — В любом случае, я мог бы считать это за совпадение, пока не услышал весь этот разговор о «блистательной и культурной» невесте Джоноса с другой планеты. Это, конечно, не те слова, которыми бы я ее описал, но она гений в науке... так что, думаю, убедить других в том, что она мила, могло быть немногим сложнее, чем видоизменять рептилий.

— Но зачем она это делает? — просила я. Я стояла рядом с ним, когда он пролистывал информацию на компьютере, но большинство ее не имело для меня смысла. — Как вообще птеродактили связаны с тем, чтобы обманом кого-то заставить жениться на тебе?

— Обманом? — спросила Вира. Она подняла голову со своих колен. — Что ты имеешь в виду?

Любовь, которую я до этого почувствовала в ней, сияла в ее глазах, и это разбивало мне сердце.

— Как я тебе и говорила, — мягко сказала я ей, — Лания — не та, кем кажется. Часть ее плана женить Джоноса на себе — это ввести всех вас в заблуждение.

— Но зачем ей кого-то обманывать? — спросила Вира.
— Джонос и так любит ее.

— Пери слишком деликатна, чтобы сказать, что Рани не любит беднягу Джоноса. Или, лучше сказать, счастливчика Джоноса, — Доктор пожал плечами. — Можешь себе представить — быть всю жизнь скованным этой женщиной? Он действительно висит на волоске, при условии, что мы не успеем добраться до церкви вовремя, чтобы спасти его от безвременной кончины. Что скажешь?

Мне понадобился миг, чтобы заметить перемену темы и перевести взгляд от пораженной Виры. Я наклонилась к Доктору и попыталась понять, что он мне показывал.

— Ты мог бы быть с ней тактичнее, — прошептала я.

— Я сказал ей правду, — Доктор и не пытался говорить тише.

— Но мы не знаем, предстоит ли ему встретить безвременную кончину.

— Да, но это очень вероятно. Помни, с кем мы имеем дело, — Доктор все еще притворялся легкомысленным, но я вновь заметила призрачный намек на беспокойство в его глазах. — Так, посмотрим, что тут у нас есть. Путаница из биологических данных — и я имею в виду путаницу. Здесь нет никакого порядка. Беспорядочная смесь записей, генетических данных. Единственное, что я могу точно сказать, что это все о котурианцах.

— Но если она его не любит, почему она выходит за него? — простила Вира.

Доктор одарил ее быстрым раздраженным взглядом перед тем, как вернуться к данным.

— Возможно, это связано с его Фазированием, насколько я догадываюсь. Хотя, угадывая мысли Рани...

Такое мало кому удалось сделать. Удивительно, как она смогла собрать столько данных, и этого никто не заметил.

Я уставилась на экран, почти его не видя.

— Потому что она не собирала их сама. Собирали птеродактили. Они приносили ей кожу и кровь своих жертв. И иногда приносили самих жертв.

Глаза Доктора осветились отблеском нетерпеливости.

— Так помоги мне, Пери, ты можешь что-нибудь разгадать. Никто из котурианцев не подумал связать атаки с невестой Джоноса. Да и с чего бы им их связывать? Большинство ждет, что когти будут выпущены *после* свадьбы. Изобретательный выбор сбора информации, нужно отдать ей должное.

— Правда? — с иронией спросила я. — Когда мы в последний раз с ней расстались, ты ее запер в ее ТАРДИС с тираннозавром. Может, она придумала, как скоротать время.

— Я запер? — он поднял бровь. — Да, думаю, запер. Нельзя сказать, что Рани не может добыть лимонад из лимонов. Или генетически созданные инструменты исследования из пугающего столкновения с доисторическим временем, — выпрямившись, он начал мерить шагами комнату. — Рани не та, кто будет собирать информацию без причин. Причина есть, мы просто должны ее найти. Она внесла сюда необработанные данные. Но ее настоящая работа... она где-то здесь. Помоги мне.

Он начал шарить руками по каждой гладкой поверхности панелей управления и рабочих столов, которых только мог найти. Я немедленно последовала его примеру, не зная, что я должна была искать, пока спустя несколько минут мои пальцы почти незаметно натолкнулись на еще одну плоскую поверхность.

— Доктор?

Его глаза наполнило возбуждение, он подошел и увидел то, на что я показывала. Когда Доктор провел над поверхностью рукой круговым движением, в металле появилась квадратная выемка. Он похлопал по поверхности, и она скользнула в сторону, открыв небольшое отделение.

— Вот оно, — он победоносно поднял маленький четырехугольный кристалл. — Рани, хотя она во многом и непредсказуема, в чем-то предсказуема. Она установила эту лабораторию так же, как лабораторию в своей ТАРДИС, и она слишком боится оставить информацию на чем-то, что она не может легко взять с собой. В этом должны быть наши ответы, — он подошел к следующему компьютеру и вставил кристалл в прорезь, которую я не заметила.

Вира испустила еще один громкий вздох:

— Бедный Джонос.

Доктор скривился от заминки в его блестящем разоблачении, но милосердно оставил девушку в покое.

— Как я и ожидал, — сказал он, — вот где порядок. Она организовала генетическую информацию котурианцев по возрасту и полу, а также по тому, сколько времени они были способны фазировать.

— Так ты знаешь, что она делает? — спросила я.

— Без понятия, — признался он. — Но это не имеет значения. Можно точно сказать, что задумала она что-то недоброе, так что мы остановим ее сейчас и зададим вопросы позже. Раз она схватила тебя, она знает, что я здесь.

Я кивнула.

— Хотя она не знает, как ты выглядишь. Она спросила, регенерировал ли ты с того раза, как мы в последний раз ее видели — знаешь, она не поклонница этой твоей внешности.

Доктор хихикнул.

— Да, она очень ясно дала это понять. Хотя я считал, что она будет к этому снисходительней, учитывая, что она знает, что мы мало что можем с этим сделать. К тому же, я думаю, ясно, что я продолжаю совершенствоваться, — изучив свое отражение в мониторе, он убежденно кивнул.

— Это так грустно, — сказала Вира. Я даже не знала, с нами ли она говорила. — Джонос потратит свой единственный шанс на Фазирование на женщину, которая его не любит.

Это заставило Доктора, наконец, огрызнуться.

— Честное слово, ты собираешься... — он застыл в шоке, и я сделала несколько шагов к нему.

— Что?

— Это. Это, — он показал кристалл, который он вынул из консоли. — Вот почему Рани изучает котурианцев. Она пытается как-то подействовать на регенерацию Повелителей Времени. Она наверняка подозревает — или, может быть, нашла — связь между нашими преобразованиями.

— А есть связь? — спросила я, пораженная. — Это совершенно разные процессы. Их происходит от любви. А ваш — от смерти.

— Да, — согласился он. — И результат обоих процессов — полная трансформация тела. А если кто и может найти связи между тем, что не имеет друг с другом ничего общего, — он помолчал и многозначительно посмотрел на человека-ящерицу, — то это она. Идемте, мы должны остановить эту свадьбу.

Не посмотрев, шла ли за ним я или Вира, Доктор поспешил к двойным дверям и потянул на себя одну из

ручек. Появилась яркая вспышка света, и он отпрыгнул, воскликнув от удивления.

— Нам сегодня просто не везет, — сказала я, подбегая к нему.

— Судя по всему, Рани не хотела рисковать, — сказал он, хмурясь на свою руку. — На самом деле то, что она думала, что ты и выберешься из сизианского поля, и сбежишь от ее приспешников, делает тебе честь.

— Она, кажется, не особо придавала мне значения, — сказала я. — Она твердила, что я бестолковая и глупая.

— Не давай ей себя задеть, — сказал Доктор, опустившись на колени, чтобы рассмотреть дверь. — Ты ни капельку не бестолковая.

— Мы можем выбраться через потолок? — спросила Вира.

Я повернулась и с удивлением увидела ее позади себя. Она утерла слезы, и в ее глазах светилась решимость. Доктор оценивающе на нее посмотрел.

— Что ж, ты уже прошла через свою собственную трансформацию, да? — сказал он.

Она подняла голову выше.

— Если мы можем помешать Лании обмануть Джоноса, тогда я хочу помочь. Просто скажите, что мне надо делать, — решительно сказала она.

Я видела, как улыбка начала мелькать на губах Доктора, и затем он надел строгую маску.

— Ладно. Мы можем пройти через потолок, но это займет дольше... и будет гораздо неудобнее. Нет, дамы, нам просто нужно взорвать эту дверь.

— Взорвать что-то — это просто? — спросила я.

— Просто, да. Но нелегко, — он всмотрелся в лабораторию. — Жаль, что она поблизости не оставила никаких взрывчатых веществ или горючего.

— А как насчет оружия охранников? — я показала на него.

— К сожалению, его боевая мощь исходит больше от сигнала, который разрушает биологическое функционирование, чем от какого-либо уничтожения грубой силой.

— Но в них должна быть батарея или источник питания, так? — настаивала я. — Не могли бы мы как-то его зажечь?

Доктор взял одно из оружий и разобрал его, достав серебристый прямоугольный предмет, и вынес его на свет.

— Да и еще раз да. Достань второй.

Я поспешила это исполнить. Он тем временем наклонился перед дверями и осторожно поставил перед ними батарею, прижав прямо к тому месту, где они состыковывались. Он положил еще один предмет на батарею и потом на него поставил вторую. Я наклонила голову, чтобы лучше увидеть.

— Это твой звуковой ланцет?

— Да.

Он включил его и быстро схватил мою руку. Мы добежали до противоположной стороны лаборатории как раз в тот момент, когда батареи взорвались и вырвали крупный кусок из нижних половинок дверей. Доктор вернулся и ухватился за новый проход. Двери легко поддались.

— Твой ланцет разнесло на куски, — указала я, пнув осколок пальцем ноги.

— У меня есть запасной, и я постараюсь его не взорвать. А теперь идемте. Мы не можем терять времени, — он обернулся к Вире, которая бежала вслед за нами. — Можешь провести нас к свадьбе?

В ней еще была решительность, и она показала вверх, на лабиринт дома.

— Да, — сказала она. — Она проводится в часовне возле «Фламинго».

И она поспешила прочь.

6

Мы последовали за Вирой через переплетающиеся коридоры до большого вестибюля.

— «Фламинго»? Это еще одно место в Вегасе, — заметила я, спеша, чтобы догнать вновь подбодренную Виру. Я видела, что у Доктора та же проблема.

— Это самое исключительное место в Повязке, — сказала Вира, когда достигла массивной передней двери. — В их часовне есть самый большой камень Имори, когда-либо найденный на нашей планете. Только элитным семьям позволено пользоваться им.

— Без сомнения, это часть стимула Рани в выборе любовника, — пробормотал Доктор. — Играй по-крупному, или иди домой.

— Вира сказала, что эти камни божественны. Но на самом деле ведь нет?

— Нет, — ответил он мне. — Это природное соединение, которое можно найти только на этой планете. Похожее есть на Аззарозии, которое они используют в

качестве топлива для ракет. А здесь камни Имори дают энергию, чтобы ускорить метаболизм, нужный для трансформаций котурианцев. Уверен, что Рани достала несколько образцов для своего исследования, но, вероятно, с меньшим кровопролитием — если только она не решила управлять буром биологически.

Он, кажется, остался очень довольным своей шуткой, но мой следующий вопрос убавил его энтузиазм:

— А что насчет тех жертв, которых унесли? Кто-то из них может быть все еще жив.

— Знаю, — уныло сказал он. — И я догадываюсь, что они не будут живы, как только Рани решит свернуть свои исследования.

Вира отвела нас к людной Повязке, и сейчас мы все бежали, гонимые срочностью нашего задания. Наступил вечер, и все здания озарились ослепительным светом вывесок. Мы нашли «Фламинго» и вошли через главный вход, пересекая казино, полное одетых в стразы игроков и obsługi, которые пристально смотрели на нас, когда нам приходилось их расталкивать. Внешний вид почти так же приводил в замешательство, как и дом Эвриса.

Я с трудом дышала, когда мы добрались до белой мраморной двери, ведущей в часовню. Прислонившись и положив руки на колени, я обнаружила, что порвала и свое новое платье. Доктор остановился рядом со мной, тоже часто и тяжело дыша.

— Кажется, нам придется больше тренироваться, когда мы вернемся в ТАРДИС, — заметил он.

— Больше? — спросила я. — А сейчас мы не этим заняты?

Двое слуг в желтых ливреях Эвриса стояли, охраняя вход. Они казались просто формальностью, без оружия, наверно, потому что никто не ожидал смертельную злодейку на свадьбе, не говоря уже о том, что она будет играть на ней главную роль.

— Извините, — сказал один из них Вире, — но мы не можем вас пустить — не сейчас, когда все уже началось.

— Но это важно! — воскликнула она. — Джонос в опасности.

Двое охранников обменялись неуверенными взглядами, но у Доктора не было больше ни на что терпения. Он просто подошел к дверям и открыл их. Бросив на слуг извиняющийся взгляд, я быстро проследовала за ним и почувствовала прямо за собой Виру. Я не знала, куда мы входим, и ужасно боялась, что все на нас уставятся.

Никто не уставился, потому что нас никто не заметил. «Часовня» была такой огромной и обширной, что наш вход не отвлек внимания от драмы, разворачивающейся впереди. Помещение выглядело удивительно похожим на собор у меня на родине, со скамьями и витражами в окнах, разве только все это было выполнено в достойном низкопоклонства цветовом оформлении. Возле алтаря были установлены огромные вазы с цветами, возвышаясь над собравшимися под ними. Сияющий пурпурный камень, который, как я догадывалась, был камнем Имори, стоял между вазами, размером он был примерно с кухонный стол. С каждой стороны от него, повернувшись боком к публике, стояли в ожидании Джонос и Рани. У него были волосы цвета лаванды, как и у его отца, и он был таким же красивым, как говорила Вира. Священник — одетый, точно как Элвис Пресли — поднял руки, и я едва расслышала

слово: «Начнем». В тот же момент Джонос и Рани потянулись друг к другу и взялись над камнем за руки. Я точно не знала, что происходило, но знала Виру и бросилась к ним.

— Нет!

Но было слишком поздно. Пронзающий желтый свет начал сиять оттуда, где были сжаты руки этой пары. Он распространялся дальше и дальше, пока не охватил остаток камня и был уже выше них. Вскоре вся передняя половина церкви была слишком ослепляющей, чтобы на нее смотреть, и я накрыла глаза рукой. Это длилось почти полминуты, и затем свет постепенно погас. Я не могла сразу же видеть, не после всего этого сияния, и я должна была прогнать черные пятна в глазах. Когда я наконец-то снова сфокусировалась на паре, я задумалась, не повредилось ли мое зрение.

Потому что Джонос выглядел по-прежнему.

Возгласы и реакция пары и собравшихся вскоре показали мне, что я была не единственной, кто заметил отсутствие преобразования. Виру, до этого храбрая, отступила назад к нам. Ее глаза были расширены, лицо было бледным.

— Это невозможно, — прошептала она.

— Что это? — требовательно спросила Рани, ее злые слова отзывались эхом. — Почему ты не изменился?

Джонос, который выглядел таким же пораженным, как и все, осмотрел свои руки и дотронулся до лица.

— Я... Я не знаю. Камень ожил. Я это почувствовал. Я почувствовал, как реакция начинается во мне, но потом... она просто не подействовала.

— Вина не в тебе. Вина в твоей краснеющей невесте, — объявил Доктор, выйдя вперед. Его голос звенел по сводчатому помещению.

Эврис в переднем ряду встал.

— Доктор! Что ты делаешь?

Лицо Рани исказилось в презрительной усмешке, когда она сняла свою фату.

— Конечно. Конечно, ты за этим стоишь.

Доктор остановился и попутно сунул руки в карманы.

— Вообще-то, нет. Боюсь, это все была ты. Красивое платье, кстати. Мне нравится синяя отделка. Что-то новое и что-то заимствованное ты тоже припрятала? Не стоит и говорить, что «чего-то старого» в тебе самой больше, чем ты учитывала.

— Сказали, что это сработает и без двух котурианцев! — вскрикнула Рани. Она подняла взгляд на всех, включая своего жениха. — Вы все говорили, что сработает. Вы говорили, что он трансформируется, даже если женится не на котурианке.

— Это правда, что твое тело для трансформации не имеет значения, — Доктор выглядел так, словно был на вершине мира, возможно, потому, что ему нравилась и публика, и иметь перевес над Рани. — Имеет значение твое сердце. Фигурально выражаясь. А не физическое сердце. Камень реагирует на химические вещества, которые взбалтываются в теле у того, кто влюблен, это то, что ускоряет его энергетический цикл. Но ему нужны двое, чтобы его запустить — а в этих отношениях, увы, влюблен только один. Только один, кто способен на эмоции, на самом деле. Учитывая количество неудавшихся браков в мире, я догадываюсь, что планка в камне довольно низкая,

судя по всему, но ты не могла дотянуться даже до этого уровня, Рани.

Джонос переводил взгляд со своей невесты на Доктора в очевидном замешательстве.

— Моя дорогая Лания... Что это значит?

— Ее зовут не Лания. И «дорогая», наверное, будет не лучшим прилагательным. Она с Галлифрея, как и я, и надеялась воспользоваться твоим Фазированием в своих целях. Что, Рани? Не смогла собрать достаточно информации из случайных образцов твоей доисторической исследовательской группы? Тебе нужен был кто-то, кто трансформировался именно из-за тебя, и чье ДНК отражало бы твое влияние?

Рани обвинительно указала на него пальцем.

— Не веди себя так, будто это такая глупая идея, Доктор. Ты не скажешь, что ты не хотел большего контроля над процессом регенерации. Большинство Повелителей Времени после смерти предоставлены на милость судьбе. Но представь, если бы мы могли полностью контролировать результат! Эти люди — лучший пример, какой я нашла. Они не только контролируют свои преобразования, но также улучшают разум и тело. Ты, конечно, заинтересовался бы этим?

— Еще один намек на мою внешность? — он испустил мелодраматический вздох. — Судьба была очень добра ко мне, спасибо большое, и я очень этим доволен. Может, у нас нет того контроля, который есть у них, но мы одарены жизнью гораздо больше раз, чем другие.

— Только глупцы довольны своей судьбой, — огрызнулась она. — Те, у кого есть здравый смысл, стремятся ее контролировать и даже изменять.

Доктор был непреклонен.

— Значит, ты должна будешь найти другой способ. Тебе никогда не удастся повлиять на трансформацию котурианца, неважно, Джоноса или какой-то другой бедной души, чью жизнь бы ты исказила — и, в конце концов, закончила бы. Ты не можешь любить. Ты не можешь быть частью этого.

— Тебе ли говорить, — сказала она, откинув волосы назад. — Пожалуйста, Доктор, расскажи побольше о своем жизненном опыте в любви и разделении потайных чувств. Для того, кто всегда путешествует вместе с кем-то, ты кажешься мне удивительно одиноким.

— Его улыбка сжалась.

— В твоём случае, нам придется начать с самого основного. Например, с сочувствия.

Джонос нервно сделал пару шагов к Рани и протянул к ней руку.

— Мы разберемся с этим. Тут, должно быть, какая-то ошибка. То, что он говорит... это неправда...

Он попытался коснуться ее, но она его оттолкнула.

— Тише. Я так устала от твоей глупой улыбки. Неудивительно, что ты никогда не был женат. Свобода от твоего лепета не загладит провал одного из моих величайших начинаний, но облегчит его.

За этим последовали возгласы шока и оскорбления.

— Позовите охранников и схватите ее! — воскликнул Эврис. — Она должна понести наказание за кощунство, которое она попыталась совершить!

— Нет, — сказал Доктор, подняв руку, когда на зов поспешили несколько человек. — Отпустите ее. Отпустите

— когда она расскажет нам, где она держит жертв, которые еще живы.

— Что? — воскликнули одновременно Джонос и Эврис. Рани положила руки на бедра и засмеялась.

— Спасибо, но мне не нужны твои сделки, чтобы выбраться отсюда, Доктор. Что касается того, где жертвы... это тайна, которую ты никогда не узнаешь. Удачи в поисках, когда я уйду.

— А как насчет другой сделки? — спросил Доктор. Он залез в карман и вытащил оттуда кристальное устройство хранения данных из лаборатории. — Не такая уж это будет и победа, если ты уйдешь совсем с пустыми руками, да?

Рани побледнела.

— Откуда у тебя это? — требовательно спросила она, протянув руку. — Отдай!

Доктор положил кристалл на землю и занес ногу над ним.

Она застыла:

— Стой!

— Это такие противоречивые устройства, правда? — размышлял Доктор. — Они могут содержать колоссальное количество данных, но такие, такие хрупкие. Очень жаль.

— Ты не посмеешь. Здесь результаты всех моих исследований! Уничтожишь его, и они пропали. Все пропало.

Несколько секунд она была вся в ярости и возмущении, и затем... неуверенно заговорила:

— Пожалуйста. Не уничтожай его. Я вложила сюда слишком много работы. Не сделай так, что это все будет напрасно.

Глаза Доктора расширились в насмешливом удивлении.

— Боже мой. Оказывается, я неправ. Ты *способна* чувствовать эмоции. Впрочем, только по отношению к холодным жестким данным, полученным из крови невинных, но это уже начало. Может, мы, в конце концов, сделаем из тебя непрактичного романтика.

— Доктор, — прорычала она.

Из Доктора испарилось все легкомыслие.

— Жертвы. Скажи нам, где они. Конечно же, не в твоей ТАРДИС?

— Эта чернь? Конечно, нет, — она замолкла, но когда ее глаза вернулись к кристаллу под его ногой, я увидела, что в чертах ее лица снова играет страх.

— Хорошо. Через семь кварталов от этого дома есть брошенное казино. Их забрали туда для экспериме... осмотра. Там место ночлега моих слуг.

Нога Доктора все еще нависала над кристаллом, но взгляд переметнулся на Эвриса.

— Пошлите туда кого-нибудь немедленно. Медицинскую группу.

Котурианец кивнул паре слуг, которые поторопились убежать.

— И, может быть, очень большую мухобойку.

Рани не отводила пристального взгляда от Доктора:

— Ну вот. Я сказала тебе то, что ты хотел знать. А теперь докажи, что ты человек чести, которого ты из себя изображаешь, и отдай мне кристалл!

— Су довольствием, — проворными, как у волшебника, руками, Доктор поднял кристалл и бросил Рани, которая поймала его с той же ловкостью. — Эврис, тебе все решать.

Охранники, которых ранее позвал Эврис, направились к Рани. На секунду она сжала кристалл, на ее лице было

облегчение. Потом к ней вернулся надменный взгляд, который, казалось, был ее фирменным знаком.

— Я так не думаю, — она бросила беглый взгляд на противоположный угол помещения. — Остановить их!

Часть из людей-ящериц, которые поймали Виру и меня, устремились вперед и задержали охранников. В гуле и беспорядке Рани была моментально забыта, и я смотрела, как она медленно отходит от места столкновения с триумфальной улыбкой на лице.

— Ты можешь однажды пожалеть, что не помог мне с этим, — крикнула она нам. — Твоя следующая регенерация может быть ближе, чем ты думаешь.

— Доктор... — начала я.

— Я ее вижу.

Он направился к Рани, когда она внезапно *исчезла* в одной из гигантских ваз. За этим вскоре стал слышен хорошо знакомый звук. Ваза пропала из виду.

— Это была ее ТАРДИС.

Доктор кивнул, в его выражении лица была смесь покорности и зависти.

— Полцарства за контур хамелеона, — вздохнул он и затем вновь переключился в свой общительный режим.

— Как я догадываюсь, она поставила ТАРДИС там, чтобы немедленно похитить Джоноса для проведения опытов, как только он изменится. Наверное, это не та волнующая брачная ночь, которую он себе представлял.

— Не могу поверить, что мы все были так одурачены, — угрюмо сказал Эврис.

Он подошел к нам и встал сзади, а я уделила время, чтобы осмотреть место происшествия. Все были на ногах, беспокойные и растерянные, но никаких повреждений и

ущерба не было. Приспешники Рани были быстро подавлены количественным превосходством — она как будто знала, что так и будет. Я вспомнила, что до этого говорил о них Доктор — что у них никогда не бывает шанса на победу.

— Не казни себя, — ответил Доктор, похлопав своего друга по плечу. — Она умная женщина — *очень* умная, и от этого еще трагичней, что она использует свой интеллект без этики.

— Бедный Джонос, — сказал Эврис. — Вот так вот оказаться с разбитым сердцем. Как же он сможет найти любовь вовремя для своего Фазировния?

Я оглянулась на камень Имори. Джонос, явно несчастный, сидел на полу, а Вира стояла возле него на коленях, сжимая его руки и говоря утешающие слова, которые я не могла разобрать.

— Может быть, он найдет ее в неожиданном месте, — сказала я.

Эврис проследил за моим взглядом и нахмурился.

— Служанка?

Доктор усмехнулся.

— Ты об этом беспокоишься? Перестань, ты же цивилизованный человек. Избавься от своих глупых и устаревших предвзятых идеологий и постарайся сосредоточиться на том факте, что эта милая девушка заботится о твоём сыне — и она не выдающийся научный ум без совести.

— Веский аргумент, — признал Эврис. — Извините, мне нужно поговорить с сыном.

Мы смотрели, как он удаляется, и я надеялась, что у Джоноса и Виры все получится вовремя. Сейчас он был

слишком опустошен, чтобы даже заметить ее присутствие, но кое-кто точно заслуживал счастливого конца. Это была ободряющая мысль, но, когда я повернулась к Доктору, она быстро исчезла.

— Ты оставил ей ее данные, — сказала я. — Может быть, она попытается использовать новую тактику с котурианцами.

Он улыбнулся.

— Вряд ли. В ее лаборатории я стер информацию из кристалла.

Я изумилась.

— Она была очень возмущена уже из-за того, что ее планы здесь провалились. А когда она поймет, что ты сделал с кристаллом, она *точно* не будет довольна тобой.

— Она никогда и не была довольна, — мрачно сказал Доктор. Он взял меня под руку.

— Что ж, раз уж мы здесь, пойдем испытаем нашу удачу в казино, пока остальные утрясают этот беспорядок?

Мы прошли через скопление котурианцев; я засмеялась.

— Удачу? Мне казалось, ты говорил, что это навык.

— Пока у тебя это не закончится, неважно, как ты это называешь.

— И ты не боишься, что это случится? — спросила я.

— Нисколько, Пери. Нисколько.